

* * *

До ужина оставалось всего полчаса, когда Малфой вспомнил о записке, и звук скомканной бумаги в кармане напомнил ему, что он сел на диван в общей комнате Слизера. Записка была вручена ему в коридоре между уроками Ханной Аббот, и это объясняло, почему он забыл ее - он вообще не обращал внимания на старосту Пуффендуй и полагал, что послание от нее не может иметь никакого значения. Он сунул его в карман и больше ни о чем не думал, пока не очутился в уютной общей комнате. Уютной только потому, что за пять лет он привык к ней, но общая комната Слизера была уродливым местом. Зеленый с серебром прекрасно подходили для знамен и мундиров, но в общей комнате с низким потолком эти цвета выглядели чертовски уныло.

Вытащив из кармана записку, он поднял глаза и увидел Пэнси Паркинсон, сидевшую напротив него, и это зрелище ободрило его: ее бледное красивое лицо сияло даже в тусклом свете. Почти неестественная голубизна ее глаз была самой поразительной чертой, и Малфой почувствовал, что ее взгляд сфокусировался на нем.

- От кого записка, Драко? - спросила она, снова подавляя тот же укол ревности, который возник, когда она увидела, как королева Ханна передала Драко записку. Говоря это, она выскользнула из-под своей школьной мантии, улыбаясь, когда заметила, что Драко восхищается ее фигурой - если он будет продолжать так смотреть на нее, ей не о чем беспокоиться.

- Эта глупая девчонка Аббот вручила ее мне, - ответил он. - Может быть, это любовная записка, почему бы тебе сначала не прочитать ее? - Пэнси не так хорошо скрывала свою ревность, как думала, и Драко надеялся, что она будет чувствовать себя в большей безопасности, если он позволит ей прочитать записку первой. И он, конечно, был прав, обычно он был прав в таких вещах. Малфой внимательно наблюдал за всеми, кто его окружал, и чаще всего читал их правильно. Он мог быть очень приятным для других, когда хотел - его мать и отец очень хорошо его воспитали. Гриффиндорцы думали, что у него нет хороших манер, но они ошибались - его манеры были безупречны. Но они были зарезервированы для тех, кто имел значение, и было очень мало людей в Хогвартсе за пределами Слизера, которые имели значение. Когда он был груб, то делал это намеренно, в отличие от невоспитанных людей, которые грубят случайно. Наедине с ним или в общей комнате Пэнси видела лучшее в Малфое, ту его часть, которая была способна на доброту и внимание.

- Сегодня вечером после ужина состоится собрание старост. Это странно, мы должны были прийти только на следующей неделе. - она передала записку Драко, наслаждаясь тем, как их руки на мгновение соприкоснулись. Он улыбнулся ей, а затем ухмыльнулся, когда развернул записку и увидел глупый бланк Пуффендуй. Если бы его определили в Пуффендуй, отец воспринял бы это с таким же изяществом, как если бы его сын был сквибом. Он лениво прочел записку и бросил ее на кофейный столик.

- Надеюсь, встреча не будет долгой. Макмиллан мне надоел. Аббот мне надоела. Гольдштейн и Патил наскучили мне.

- А как насчет Уизли и Грейнджер?

- Я стараюсь не скучать, представляя, какой будет их жизнь после окончания школы, когда они будут жить в супружеском блаженстве на чердаке в "Норе", молясь, чтобы Темный Лорд не обратил на них внимания.

- Ты действительно думаешь, что они поженятся? - спросила Пэнси. Слышать, как Драко говорит о браке, даже если это касается других, ей было приятно.

- Если один из них не умрет до окончания школы, то да. Совершенно очевидно, что они чувствуют друг к другу. И они вырастят выводок кривозубых, лохматых, рыжих грязнокровок.

Пэнси смеялась, как она всегда делала, когда Драко говорил, что-нибудь, что должно быть забавным.

Старосты собрались в своем кабинете, расположенном дальше по коридору от ванной комнаты старост. Кроме как для встреч, он почти не использовался, разве что Гермионой, когда ей требовалось тихое уединенное место для занятий. В ней было несколько письменных столов и полки, заполненные очень устаревшими и сильно аннотированными справочниками. В маленькой смежной комнате находилась небольшая, но вполне пригодная для зельеварения зона. Старосты находились в большой смежной комнате, сидя за столом для совещаний, за которым удобно разместились бы десять человек, совещание требовало присутствия всех старост. Пуффендуй и Когтевран прибыли первыми и сели по одну сторону стола, заставив гриффиндорцев (которые прибыли последними) сесть рядом со Слизеринцами. Поэтому, когда Эрни Макмиллан начал говорить, он сидел на одном конце стола, а Малfoy - на другом, противоположном.

Гермиона очень хорошо управлялась с Эрни, манипулируя им так, что любой слизеринец гордился бы ею. К тому времени, как она закончила разговор с ним в тот же день, Эрни был совершенно убежден, что это была его идея, чтобы студенты держались подальше от офиса Амбридж и не искали разрешения на переформирование клубов и команд.

Ярко-рыжие волосы Эрни сделали бы его кандидатом на почетное членство в семье Уизли, но на этом сходство заканчивалось, потому что он не отличался той непринужденностью, которая ассоциировалась у него с Роном и его братьями и сестрой (за исключением Перси, конечно, который, казалось, должен был выиграть премию "Идиот года"). Уизли чувствовали себя комфортно в любой компании и умели расположить к себе других. С другой стороны, Эрни своим поведением невольно выводил других из равновесия. У него не было интуитивного чувства правильного поведения в любой незнакомой ему ситуации, и поэтому он почти всегда возвращался к странно напыщенной манере говорить, если не был абсолютно уверен в себе. Он был на высоте в ситуациях один на один, где он мог быть достаточно нормальным. Но как только он оказывался в группе, он почувствовал, что теряет равновесие. Это было уже четвертое собрание старост, на котором он присутствовал, но он не чувствовал динамики группы и сначала пытался говорить.

- Эта Амбридж выходит из-под контроля, - начал Эрни. - Издавать декреты, становиться "Генеральным Инспектором", проверять учителей, а теперь еще эта последняя чепуха - она хочет, чтобы все ученики пресмыкались, лишь бы все оставалось по-прежнему. Теперь она хочет, чтобы мы все попросили разрешения просто побыть вместе. Кто эта женщина, в любом случае? Я вообще не узнаю ее фамилию. - Эрни принадлежал к старинной чистокровной семье волшебников, и у него была склонность к снобизму, которая часто сопровождала его происхождению.

- Она никто, - ответил Драко. - У нее есть некоторое влияние в министерстве, и мой отец говорит, что она очень много работала, чтобы добиться своего, но, кроме Фаджа и нескольких других высокопоставленных лиц, у нее нет ни семьи, ни связей вообще. Если Фадж уронит ее, ей не на что будет опереться. Ни денег, ни поместья, ни имени - вообще ничего.

- Послушай, Малфой, - сказала Гермиона, нахмурившись в притворном негодовании, - Речь идет не о семье, не о чистой или смешанной крови или о чем-то подобном. Какое отношение ее прошлое имеет к тому, что она делает? Я не одобряю все, что она делает, но она просто пытается управлять делами так, как может...

- Да, я думаю, она тебе очень понравится, - перебила его Пэнси Паркинсон. - Для тебя, не имеющей волшебной семьи вообще, Амбридж выглядит как аристократка. Но поверь мне, она всего лишь в шаге от грязнокровки.

Гермиона легонько пнула Рона под столом, и он заговорил.

- Моя семья такая же старая, как и все в этой комнате или в Хогвартсе, если уж на то пошло. Но я не думаю, что мы должны судить об Амбридж по тому, кто она есть. Мы должны судить ее за то ...

- ...Что она сделала, - сказал Эрни. - И то, что она делает, это вмешивается в то, как все идет уже тысячу лет. И именно поэтому я начал с разговора о ее прошлом. Она вообще не имеет права менять старые привычки. Это просто смешно.

Малфой и Паркинсон согласно закивали головами. Малфой с удивлением наблюдал за каменным лицом Рона, а Гермиона неодобрительно поджала губы. Он посмотрел на старост Когтеврана. Он ничего не знал о происхождении Падмы, но подозревал, что если она и не магглорожденная, то недалеко от этого. Гольдштейн был другим - его семья была древней. - Энтони, что ты думаешь о том, что происходит, нравится ли тебе то, что делает Амбридж? - поинтересовался Малфой.